

**КОНКУРСНАЯ  
РАБОТА**  
1-е место

Л.В. Хабарова

# ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ



Думаете, легко написать рассказ? Ха! Особенно рассказ о будущем? Кто-то скажет, легче легкого: побольше технических наворотов, душщипательная любовная история, немного интриги — и готово! Прохор Емеленко недовольно фыркнул, разбросав клочки пены. А попробовали бы! Джейсон Ханнер должен был выкрасть из лаборатории пакет со сведениями по новейшей разработке. Например... Нет, не подходит... Эх, хорошо жилось писателям в двадцатом веке! Придумывай себе полеты на Марс, электронные фотообои и прочую чепуху. А сейчас! Что ни придумаешь — все уже есть. Вот выпало же ему, многообещающему молодому автору, жить в такое время! Что за жизнь пошла, никого ничем не удивишь. Можно, конечно, написать про сверхпрочные ткани, сверхтонкие пленки с регулируемыми электрическими свойствами, материалы со сверхпроводимостью, регулируемой фоточув-

ствительностью и светоизлучением. Но какая же это тогда фантастика? Это реализм. Да и какой дурак будет выкрадывать такие материалы, когда их можно купить чуть ли не на каждом шагу: «НаноСистемзГрупп» давно производит нано пленки с любыми заданными свойствами, да и «ХелсМенеджмент», которая раньше специализировалась исключительно на технологиях в области косметологии и медицины, потихонечку расширяет производство современных материалов. Но должен же что-то украсть Джейсон Ханнер! Иначе почему за ним четыре главы шла охота силами лучших людей Рико Полетти? Прохор сдул пену с клавиатуры и открыл страничку со своим планом на год. Так, седьмая серия «Ханнера» должна быть сдана в печать через четыре месяца. Еще надо написать новый роман к сентябрю. Про что писать? Все, что в голову ни придет, — было, было, было! Чтобы отвлечься, он запустил ленту

новостей. Почти единственной темой новостных порталов была Олимпиада. Как всегда, на воде наши были на высоте. Очередное золото синхронисток. Господи, а это что такое? «Новый заплыв — новый контракт. Герман Гросс — новое лицо компании “НаноСистемзГрупп”. Прохор присвистнул. «Вот это я называю “рекламный трюк”!» Не слишком ли рискованно менять компанию накануне таких ответственных стартов? Но если Гросс выиграет заплыв, рейтинг «ЭнЭсГрупп» просто вознесется, и ведь именно это им сейчас так необходимо! А это случится наверняка. Герман Гросс — сильнейший, и маловероятно, что смена наноконьютера отразится на его результатах. Да, в «НаноСистемз» пошли на риск и, скорее всего, сорвут банк. Как бывший журналист, Прохор интересовался политикой и следил за новостями. Неприятности у работников нанокупола назревали давно, но руководство из всех сил пыталось замаять дело и исправить ситуацию, не доводя до скандала. Еще неделю назад Емеленко не мог представить, как им это удастся. Тут требовались большие деньги и мощный всплеск рейтинга. Похоже, они все-таки выпутаются...

Прохор вылез из ванной. Датчик на потолке среагировал на появление мокрого тела. Вода с поверхности тела мгновенно испарилась, и кожа покрылась мельчайшими капельками лосьона, осевшими из воздуха (специальный встроенный в стену резервуар следовало заполнять каждый месяц). Лосьон моментально впитался. Современные технологии произвели революцию в производстве косметики. Шампунь, зубные пасты, дезодоранты, кремы и все остальные средства теперь действовали на уровне атомов, а не клеток. Прохор кликнул на страничку органайзера. Сегодня надо еще заехать в Натур-музей: на днях пришел на удивление выгодный заказ на обзор о музее для одного журнала. Он не был там несколько лет, со времен того дерзкого ограбления. До сих пор оставалось загадкой, как с охраняемой территории мог исчезнуть человек. В век, когда системы охраны и слежения достигли такого уровня, что сложно представить, как они действуют, не то что их обмануть. Хотя... Развивается технология в целом, а уж решению каких задач она служит — зависит только от человека. Если развиваются системы защиты, развиваются и системы взлома. И главная цель в том, чтобы развитие первых хотя бы ненамного опережало развитие последних. Сотрудники музея видели, как Сергей Сеняев вошел внутрь, камеры наблюдения и инфракрасные датчики зафиксировали его пребывание в трех главных залах, но никто не видел, как он вышел с территории музея в город. Были перекрыты все выезды, проверялся каждый человек, покидающий город, но Сеняев как сквозь землю провалился. Даже если он успел ускользнуть с территории музея незамеченным, покинуть незамеченным город он бы не смог. Сеняев уже привлекал до этого внимание властей, поэтому имелись все его данные — от отпечатков пальцев до индивидуального биокода, который делал идентификацию возможной даже при смене внешности. Загадка так и осталась неразрешенной, а шумиха вокруг этого дела постепенно стихла. Интересно, где сейчас этот злой гений? С таким куском, как он урвал, наверное, нежится где-нибудь на настоящем песчаном пляже под настоящей пальмой и ест настоящие, несублимированные кокосы... Если есть на Земле еще такие уголки...

В то время Емеленко принимал участие в журналистском расследовании. Шансов, что в Натур-музее его кто-

то вспомнит спустя несколько лет, было мало. Он очень удивился, когда Олег Кареев, с которым он договаривался о встрече по телефону, сразу вспомнил его и сказал, что будет рад видеть. А с виду рассеянный тихоня, помещанный на своих грядах. Один из немногих, кто в век нанотехнологий не отказался от такого анахронизма, как очки. Сам Емеленко давно уже сделал напыление на роговицу (действует как контактные линзы, только гораздо удобнее: не нужно ничего вставлять и вынимать из глаз, толщина напыления измеряется в нанометрах, полностью газопроницаемо и позволяет глазам дышать). Кареев мог встретиться только сегодня. Ну что ж, время до встречи еще есть. А пока надо все-таки подумать над романом. Подцепив ногтем край гибкого монитора (толщина три миллиметра, крепится к любой поверхности), Прохор снял его со стенки ванной и перешел в комнату. Может, не придумывать чего-то прям сверхнового? Взять что-то реальное и немножко пофантазировать на тему? Надо подумать, что сейчас модно. Нанороботы! Точно! Можно придумать историю про нанороботов. Будто они не просто находятся в организме человека и управляют различными его процессами. Пусть роботы будут разумные! А что, разумный наноробот — это интересно! Они могут помогать организму, а могут, наоборот, захотеть стать его хозяевами! Да, должна быть борьба. Пусть будут плохие и хорошие нанороботы! И между ними будет идти война! А начнет заварушку наноробот JX-714. Надо придумать ему какое-нибудь собственное имя. Пусть будет Терминатор! Да, война нанороботов — это он здорово придумал! Такого еще точно не было!

\* \* \*

Доктор Горелов отсоединил датчики, и Герман встал.

— Ну что ж, все в полном порядке. К сожалению, я не смогу лично присутствовать на сегодняшнем заплыве, но буду болеть за вас у экрана, — сказал доктор.

— Спасибо, Вадим Михайлович. — Герман улыбнулся. — Я и не переживаю! Если что, я всех на своем адреналине сделаю!

— Но-но, молодой человек! Никаких «если что»! Система работает как часы, реагирует четко и без запаздывания. Этот нанопроцессор — хороший выбор! Я ведь знаю свое дело!

Герман внезапно стал хмурым, еще раз поблагодарил доктора и ушел. Горелов сохранил файл с сегодняшними данными в папку наблюдений Гросса. Он занимался разработкой и установкой стимуляторов со времен их появления.

Первые стимуляторы появились около 20 лет назад и стали быстро вытеснять таблетки, которые, как известно, всегда оказывают на организм побочное действие. Да и потом, таблетки могут неожиданно закончиться, их можно забыть принять, перепутать. Первоначально стимуляторы имели вид часов и устанавливались на запястьях. Да и теперь такие еще можно встретить в продаже. На них нужно самостоятельно задавать параметры их работы. Они не распознают проблему, но при верно заданных параметрах успешно ее решают: понижают артериальное давление, синтезируют несложные соединения, стимулируют сердечную деятельность, обменные процессы, выработку некоторых антител, регенерацию тканей, а также успешно

справляются со многими другими задачами. Раньше люди слушали прогноз погоды или смотрели на барометр, чтобы принять нужную таблетку. Теперь они читают прогноз, в котором указано, каким группам граждан какую программу сегодня наиболее оптимально задать. Стимуляторы второго поколения сделали огромный шаг вперед: они сами оценивают состояние своего «подопечного». Конечно, стоимость такого хелс-компьютера превышает стоимость обычного стимулятора в разы. К вопросу, какую систему поставить на персональный компьютер, теперь люди обеспеченные могли добавить вопрос, какой операционной системе поручить свой организм. Для медицинских наноконьютеров «ХелсМенеджмент» выпускала новые модификации «Плиндоус», на что «НаноСистемзГрупп» упорно отвечала новым выпуском системы «Флимукс». Конечно, многих проблем организма они не решали, но в целом увеличивали продолжительность жизни на несколько лет. Правда, пока только теоретически, поскольку для практического подтверждения эффективности таких систем должно было смениться хотя бы одно поколение.

Раньше Олимпиада демонстрировала достижения спортсменов в совершенствовании возможностей своего организма. Теперь спорт превратился в ярмарку достижений в области технологий и конкуренцию крупных холдингов, которые боролись за право устанавливать свое оборудование тем или иным спортсменам. И если раньше спортсмены заключали контракты с компаниями, обязуясь использовать производимые ими одежду, обувь, лыжи, ракетки, очки, винтовки и т. д., то теперь они впустили спонсоров в святая святых — свой организм. Наноконьютеры разных производителей отвечали за вашу кровь, дыхание, реакцию и сердечную деятельность. В каком-то виде спорта необходима выносливость, и тут надо помочь снабдить кислородом клетки, в каком-то виде во главе угла стоит реакция — тут надо взять под контроль процесс передачи нервных импульсов и ускорить синапс, а где-то важно сделать быстрый рывок. При всем этом наноконьютеры не относились к средствам допинга и не были запрещены, как не могли быть запрещены контактные линзы или слуховые аппараты.

В начале своей карьеры Горелов долгое время занимался детекторами лжи, фиксирующими физиологические изменения. С развитием нанотехнологий многочисленные провода исчезли, датчики уменьшились в десятки раз, а доктор Горелов стал ценным специалистом. Его лаборатория стала специализироваться на производстве наноконтроллеров, которые фиксировали малейшие изменения в организме и распознавали эмоции человека. Помимо современных детекторов лжи такие контроллеры применялись при работе с детьми и животными, то есть теми, кто не мог выразить свои чувства с помощью слов. Плач ребенка может означать как голод, так и страх и физический дискомфорт. Контроллер измерял различные физиологические параметры (уровень адреналина, выделение желудочного сока, потоотделение, сокращение мышц, реакцию зрачка, частоту сердцебиения), обрабатывал сигнал и передавал данные на монитор. Какое-то время Горелов работал в компании, которая специализировалась на технологиях в области красоты и здоровья. Но ему было интересно поставить задачу и решить ее, а после он терял к ней интерес, поэтому, разработав технологии окрашивания и наращи-

вания ресниц, волос и ногтей, он предоставил шанс богатеть на этих процедурах коллегам, а сам перешел в область спортивной медицины, где и трудился до сих пор.

\* \* \*

Герман Гросс ехал к спорткомплексу. Через час у него началась утренняя разминка в бассейне. С тех пор как машины перешли на замкнутый топливный цикл, им было разрешено ездить по любой части города, включая центр и спальные районы, поскольку они не производили никаких выбросов. Он вернулся к своим мыслям. В конце концов, какая разница, какая фирма выпустила этот микроскопический чип? Была одна, стала другая. Обидно то, что его, знаменитость, мирового чемпиона, любимца публики, кто-то просто использовал для решения своих политических задач. В какой-то момент ему захотелось нарочно проиграть заплыв, чтобы подпортить репутацию компании. Но он быстро взял себя в руки. Он выступает не за «ЭнЭс», он выступает за свою страну, и миллионы болельщиков ждут от него победы. Что бы ни происходило, он должен настроиться и показать все, на что способен. Он сам виноват, за все надо платить. Или он подписывал контракт, или... об этом лучше не думать, позор и дисквалификация в лучшем случае. Да, он крепко сидел на крючке у этого типа, кто бы он ни был. Ну теперь-то уже все позади. Злополучный накопитель со всеми файлами ему вернут сразу после заплыва. Каждый, кто приходил в бассейн болеть за Германа, опускал в большую чашу специальный купон, полученный вместе с билетом. По окончании заплыва Герман лично выбирал из чаши один счастливый купон, обладатель которого (при предъявлении билета с тем же номером) получал подарок — футболку Германа с его автографом на спине. Футболку Герман взял со склада сборной — самую обычную, без особых наворотов. Конечно, дышащая, сверхпрочная, грязеотталкивающая, с терморегуляцией (волокна раздвигались и сдвигались в зависимости от теплоотдачи тела), но никакой ароматерапии или анимированной картинки. И выследить этого типа, что взял его за горло, не было никакой возможности. Он сказал, что, если контракт будет заключен на его условиях, накопитель будет на купоне с номером НЗ 13809. То есть после вручения награды надо будет еще перебрать все эти купоны в поисках нужного... А вдруг его не будет? Глупости, одернул себя Герман, он контракт подписал, а больше с него взять нечего. Да, впредь он будет осторожен. Лишь бы все это скорее закончилось!

\* \* \*

Когда прожил столько лет, как-то привыкаешь делать все определенным образом и уже не успеваешь менять образ жизни и привычки в соответствии с прогрессом технологий. Поэтому профессор Данилевский любил выйти из дома заранее, чтобы пройтись до университета пешком через парк, взять по дороге газету в электронном киоске и не спеша просмотреть ее. Конечно, не бумага — обычный полипласт, но все привычнее листать страницы, чем торчать у электронных информационных стендов. До занятий оставалось еще больше часа, и профессор шел не торопясь. У него болели суставы, но он никак не мог решиться на операцию. Когда прожил столько лет... К тому

же с ботинками, которые купил ему сын, он смог снова возобновить свои ежедневные утренние прогулки. В их подошве находились нанопоры — микроскопические полости, которые могли наполняться воздухом и объединяться в воздушные подушки. При движении заполненные воздухом участки перемещались внутри подошвы и обеспечивали равномерное и комфортное распределение нагрузки на ноги. Электронный киоск считал отпечатки двух пальцев (вот еще десятка ушла со счета) и выдал газету. Посмотрим, что творится в мире. «Еще два олимпийских золота в копилку сборной» (очередная хвалебная ода сборной), «Визит премьер-министра в Грецию» (прошел без происшествий), «Нанокупол будет установлен по графику» (опровержение слухов о непредвиденных проблемах на производстве). Нанокупол — детище «НаноСистемзГрупп» — представлял собой тонкую и прочную мембрану, которую в течение шести лет должны были синтезировать в атмосфере планеты. Озоновый слой Земли был нарушен довольно существенно, и мембрана купола должна была выполнять его функции, задерживая вредное космическое излучение, а также поддерживать нужный газовый состав атмосферы. Купол состоял из отдельных секторов, которые могли в нужных местах удаляться для запуска спутников и ракет. На третьей странице ему в глаза бросился заголовок «Герман Гросс подписал контракт с компанией “НаноСистемзГрупп”». В коротком интервью Гросс говорил, что безмерно счастлив представлять такую компанию, как «НаноСистемз». Она не просто развивает передовые технологии, но и занимается разработкой некоммерческих проектов, результаты которых действительно нужны всем людям! Конечно, ему придется выплатить неустойку «ХелсМенеджмент», поскольку срок прошлого контракта еще не истек, но «НаноСистемзГрупп» покрывает расходы.

...Резкий звук оторвал профессора от газеты, и он остановился. Это электронный светофор предупреждал его о том, что он подошел к проезжей части. В городах все современные электронные светофоры были оснащены специальными металлодетекторами и инфракрасными камерами. Они распознавали человека по температуре и предупреждали его звуковым сигналом, если на проезжую часть нельзя было заступать. Даже если горел зеленый сигнал, никто не был застрахован от лихого водителя, поэтому металлодетектор фиксировал приближение автомобилей. Усиленное автоматическое регулирование дорожного движения значительно уменьшило количество дорожных происшествий. Пользовались популярностью и дополнительные панели на автомобилях: они предупреждали о расстоянии и направлении движения других транспортных средств и пешеходов и позволяли передвигаться в условиях с плохой видимостью. Конечно, при покрытии кузова специальным водоиспаряющим лаком можно было рассеивать туман вокруг автомобиля, но на довольно большом расстоянии. Современные краски и лаки вообще защищали машину от всего, что только можно было представить. Профессор машину не водил, поэтому обо всех технологиях в этой области знал понаслышке.

Дочитав газету, он сунул ее в автомат приема полипласта. В городе были установлены сотни таких автоматов. Собранный полипласт сортировался и либо шел на новые газеты, либо отправлялся в дисассемблер, где расщеплялся для создания новых материалов. Развитие

технологий, несомненно, идет на пользу человечеству, иначе люди эти технологии не развивали бы. «Но, с другой стороны, при таких делах...» — промурлыкал под нос профессор строки из старой песенки. С другой стороны, благодаря их развитию человек перестает развивать себя, теряет какие-то умения и способности. Он с грустью наблюдал это на примере своих студентов, выросших в эпоху компьютеризации всего и вся. Половина из них практически не умела писать. Давно прошли времена, когда испытания студентов проходили в форме устных или письменных экзаменов. Современные технические устройства и средства связи можно было не то что положить в карман, а даже наклеить на ноготь большого пальца. Профессор входил в комиссию, которая несколько раз в год собиралась, чтобы решить, в какой форме будут проводиться испытания. Уже давно в испытаниях упор делался не на воспроизведение информации, а на проявление испытываемым необходимых качеств — логики, памяти, реакции. Задание высвечивалось на индивидуальном мониторе в течение минуты, еще три минуты давалось на его выполнение, после чего на экране возникало новое задание. Оценив все результаты по нескольким параметрам (на вывод формулы Данилевский потратил два вечера), компьютер составлял общий рейтинг испытуемых. Конечно, все это упрощало работу преподавателей, но все равно Данилевский был уверен, что никакая машина не распознает способности человека лучше, чем он сам в простом разговоре. Он любил общаться со студентами и с большой неохотой соглашался проводить дистанционные лекции по Интернету. Профессор чувствовал себя не в своей тарелке: сидишь в пустой комнате и рассказываешь в пустоту. Конечно, студенты дистанционных групп видели совсем другое. Трехмерный профессор на их экранах вел лекцию в соответствующей теме занятия обстановке: в зданиях — известных памятниках архитектуры, на улицах мировых столиц, в недрах земли. Время от времени он разворачивал наглядные схемы, документы и таблицы, которые повисали в воздухе прямо перед студентом. Тут же могли разворачиваться и объемные модели, иллюстрировавшие его рассказ. У более обеспеченных студентов визуализация шла в голографическом шлеме, они видели профессора и все его пособия, как если бы он находился в шаге от них. Другие использовали специальную систему из нескольких мониторов, установленных под определенными углами. Профессор заранее подготавливал схемы и модели, которые нужно было демонстрировать на лекции, и составлял список файлов, которые в нужный момент передавались по высокоскоростной линии на компьютеры слушателей. И хотя студенты в любой момент могли задать профессору вопрос, он так и не привык к этой пустой комнате. Он хотел видеть их глаза и следить за тем, как они улавливают его мысль. Хорошо, что не все студенты перешли на дистанционное обучение, некоторые до сих пор предпочитают перенимать знания и опыт непосредственно у их носителей. Профессор часто приглашал студентов к себе, или же они вместе ходили на прогулки и экскурсии. Как раз сегодня он обещал сводить их в Натур-музей. Его знакомый сотрудник музея, Олег Кареев, рассеянный и немного смешной, но фанатично преданный своему делу человек, в который раз любезно согласился показать им свой сектор. Конечно, день не очень удобный, ведь сегод-

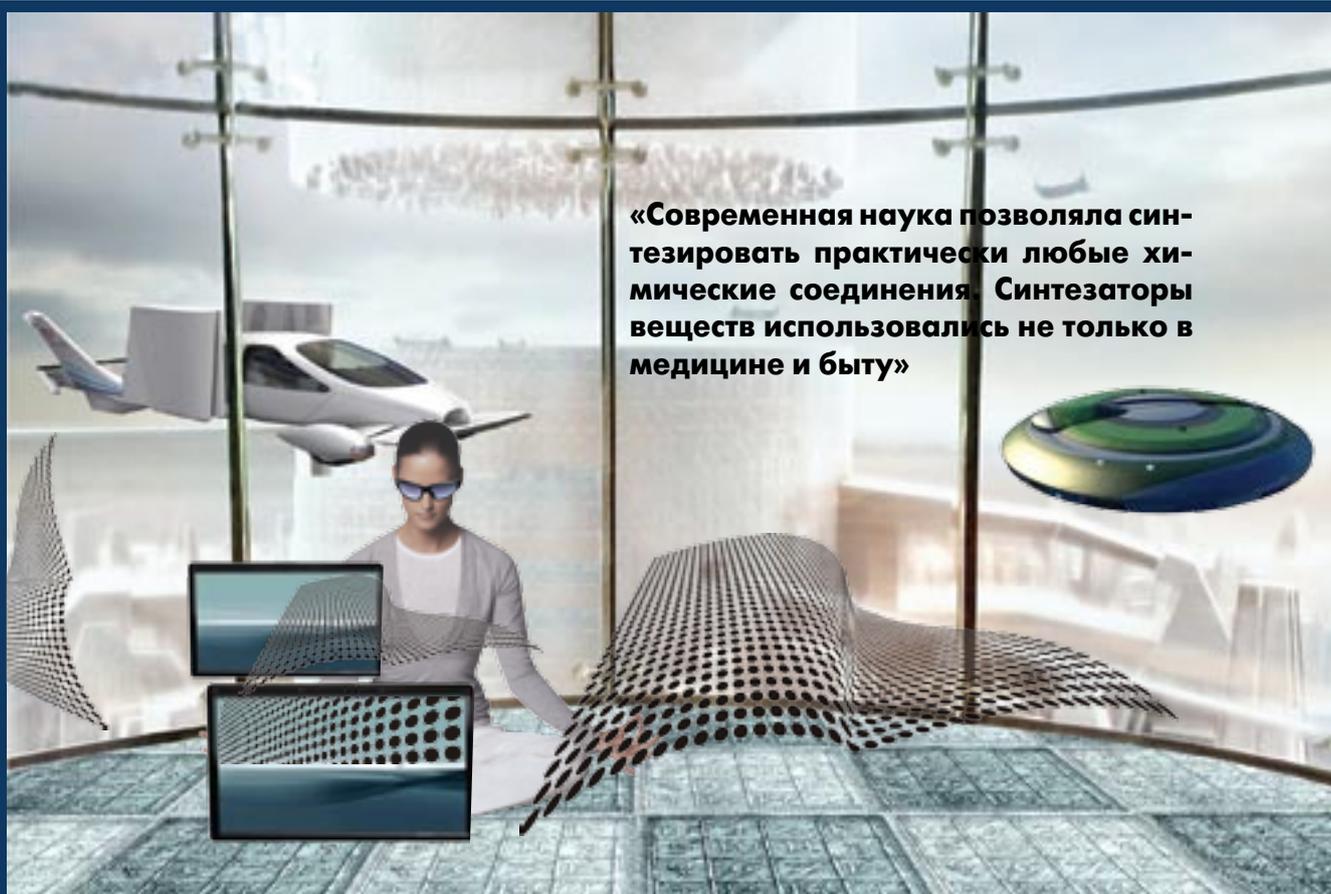
ня заплыв с участием Гросса, но это был последний день Кареева в музее — он выходил на пенсию.

\* \* \*

В комнате пахло мокрой листвой и какой-то особой свежестью, какая обычно бывает после дождя. Я не люблю быть космонавтом в скафандре. Как иногда хочется поднять шлем и просто понюхать цветок... Пластиковые светочувствительные окна-хамелеоны, противозумные перекрытия — все это делает нашу жизнь комфортной, но отгораживает нас от того, откуда мы все вышли, — от Природы. Конечно, мой дом — это все равно скафандр, но я сделал все, чтобы современные технологии работали на меня. Я люблю, когда слышно, как дождь шумит за окном,

шинство установок состояло из диссасемблера и последующего синтезатора заданных веществ. Типы диссасемблеров были различные, но принцип один: с помощью катализаторов, реагентов, радиации или чего-то другого они разрушали межатомные связи в молекулах. То есть любое материальное вещество могло быть расщеплено на атомы, которые потом компоновались в новые соединения. Это решало проблему утилизации отходов.

На ночь я обычно выставлял на нанопанелях режим «Старая пристань». Запах реки, скрип досок и плеск воды погружали меня в детство. Мы с дедом часто ездили на рыбалку. У него была старая деревянная лодка, под которой я любил ночевать в теплые дни. Бывало, она подтекала, но на новую, пластиковую, у деда не хватало денег. Подумать только! Сейчас это кажется смешным! Не хватало



**«Современная наука позволяла синтезировать практически любые химические соединения. Синтезаторы веществ использовались не только в медицине и быту»**

люблю, когда пахнет дождем, это создает особое осеннее настроение. Когда ночью пошел дождь, датчик на внешней стене дома сработал, и в соответствии с программой кондиционер повысил влажность и понизил температуру воздуха, а в нанопанелях режим № 15 «Августовский полдень» сменился на № 19 «Майский ливень». Нанопанели я приобрел одним из первых. Выложил все свои накопления. Но они того стоили. Помимо любого запаха они также генерировали звуки, и я мог наслаждаться шумом прибой или соловьиными трелями, когда вздумается.

Современная наука позволяла синтезировать практически любые химические соединения. Синтезаторы веществ использовались не только в медицине и быту. Промышленные синтезаторы создавали различный спектр веществ заданного состава: клеи, пластмассы, полипласт, целлюлозу, строительные смеси и многое другое. Боль-

денег на пластик! Прошло не так много лет, и сотни видов синтетических материалов заполнили мир. Теперь-то роскошью считается иметь деревянную лодку. Деревянную лодку, шелковый халат, яблоко из собственного сада, живой огонь в камине с березовыми дровами... В этот список перекечевали почти все реалии прошлых веков. Конечно, где-то они сохранились — у коллекционеров и таких энтузиастов, как я, ну и конечно, в заведениях вроде нашего Натур-музея. В нашем городе я стоял у истоков его создания, и сейчас, когда его отделения работали во всех крупных городах, с гордостью взирал на эту империю — последний оплот натуральных материалов. Я недавно читал одну фантастическую книгу и был очень удивлен. Фантастической она была 50 лет назад, а теперь все мрачные предсказания автора стали реальностью. Именно поэтому государство приняло программу, по которой повсюду соз-

давались такие вот островки былых богатств планеты — натур-музеи. В отличие от многочисленных «экологических» организаций, которые только и делали, что кричали «Леса больше не осталось!», «Полезные ископаемые исчерпаны!», «Озоновые дыры растут!» и «Чем дышат ваши дети?», мы делали хоть что-то, чтобы бывшие природные богатства остались хотя бы в музеях.

Олимпиада привлекла в наш город тысячи гостей. И конечно, наш музей был первым в списке местных достопримечательностей. Мы не просто хранили уникальные вещества и материалы — мы возобновили производство этих материалов. На восьмом этаже располагалась Лаборатория натуральных тканей. В отдельной комнате Светлана Ибрагимова заботилась об их главном сокровище — тутовых шелкопрядах. В магазине сувениров можно было даже купить небольшую подушечку из шелка с эмблемой Лаборатории. Конечно, удовольствие не из дешевых, но раскупали их охотно. Ну и главной экспозицией всегда считался Каменный зал с природными кристаллами драгоценных и поделочных камней и уникальными друзьями.

Я заведовал ботаническим сектором и хозяйственным блоком. Никакая сила на свете не могла оторвать меня от заботы о нежных тюльпанах. К сожалению, в нашем музее их было немного, потому как территория у нас была небольшая, а видов растений — свыше тысячи. Но я надеялся, что когда-нибудь смогу развести большинство редких сортов на своей земле. Несколько лет назад я получил небольшое наследство, которое выгодно вложил в ценные бумаги. Это должно было обеспечить меня постоянным доходом. После выхода на пенсию я собирался купить себе дом с земельным участком и заказать натуральный грунт (дорого, но на искусственном клумбы будут совсем не те). И этот день приближался. Можно сказать, он практически настал. Ведь сегодняшней день — особый, мой последний рабочий день. Даже не верилось, что теперь я смогу целиком посвятить себя своему маленькому садику. Да, я выходил на пенсию. Правда, провести спокойно этот день не получится. Сегодня в музей должны были прийти студенты с профессором Данилевским. Кроме того, какому-то писаке срочно понадобилось написать обзор о работе музея в дни Олимпиады. Директор, конечно, повесил всех на меня. В музее про меня говорили, что я мягкий и безотказный.

Писатель проблем не доставил. Прохор Емеленко почти не изменился со времен нашего знакомства: молодой человек в костюме с претензией на моду и невообразимой прической. Мы поговорили о будущей статье, и он отправился в самостоятельное путешествие по секторам. Данилевский и студенты решили оставить мой сектор напоследок, а пока они восхищались шелкопрядами под строгим надзором Светланы, я мог пойти поработать. Я должен был оставить свой сектор в идеальном состоянии.

Через час я положил в карман рабочие перчатки и мешочек с луковицами и подошел к главному зданию. Данилевский со студентами должны были уже спуститься из верхних залов. Я хотел пройти с ними в Каменный зал. На входе я сказал дежурному из отдела безопасности Максиму Державину, чтобы он отключил систему защиты витрин. Часть витрин с особо ценными экспонатами была закрыта сверхпрочным стеклом, некоторые витрины были открытыми. Система защиты включала сигнализацию, как

только ее сканеры и инфракрасные датчики фиксировали превышение допустимого для экскурсантов расстояния до экспонатов, например если кто-то низко наклонился или протягивал руку. У нас была договоренность с университетом, и профессор Данилевский регулярно проводил в музее занятия со студентами, объясняя им тайны строения и образования минералов. Обычно Державин или Кесько открывали ему витрины, а после лекции проверяли сохранность всех экспонатов и снова включали систему защиты. Сегодня я слушал профессора далеко не впервые, но все равно не мог оторваться. Студенты тоже были поглощены лекцией и, когда она подошла к концу, стали поперебой задавать вопросы.

— Почему натуральные камни такие дорогие? Только потому, что их тяжело найти и трудно добыть, а синтетические можно получить в любом количестве? Ведь синтетические камни ровнее и чище, без всех этих трещинок и пузырьков!

— Вы абсолютно правы, синтетические камни получить проще и дешевле, и ценятся они именно за их редкость и эту самую «неидеальность». Ведь создать примеси и дислокации в синтетическом кристалле очень сложно. Природа расцветивает кристаллы одного и того же минерала самыми разными цветами. Вот, посмотрите на эти полихромные турмалины. — Профессор осторожно вынул из витрины пять кристаллов и передал студентам. — Осторожнее, это ведь целое состояние, — улыбнулся он. — Розовая половина кристалла плавно переходит в зеленую — такие кристаллы практически невозможно создать в лаборатории.

Студенты рассматривали кристаллы с благоговением. Наконец Данилевский передал их мне, чтобы я пересчитал их и запер витрину. Я посмотрел на просвет один из кристаллов, и у меня в который раз перехватило дыхание. Выложил на ладонь все остальные и пересчитал. Раз, два, три, четыре, пять. Затем осторожно положил их на место в витрине. Закрыв витрину, я аккуратно прижал к двум ее противоположным углам маленькие прозрачные кусочки пленки. Вряд ли кто-то обратил на это внимание. После чего я передал Максиму Державину, что систему защиты можно включать, лекция закончена, все экспонаты на месте. Все спустились во двор и приготовились к экскурсии по ботаническому сектору.

О своем секторе я мог говорить часами и надеюсь, что студентам было интересно. От клумб с декоративными растениями мы постепенно перешли в «дикую» часть сектора. Я удивился, насколько мало современная молодежь, так продвинутая в техническом плане, знала о растениях и их свойствах. Да, эта экскурсия должна им запомниться. Немного не доходя до хозяйственного блока, профессор Данилевский остановился и удивленно спросил:

— Хм, пахнет настоящей фермой, вы тут что, и коров держите?

— Ну что вы, Александр Борисович, у нас таких ресурсов пока нет. Растения — это да, в моем ведомстве. А запах пока что синтезированный. Хотя эту часть сектора мы на самом деле между собой называем «ферма». Тут у нас настоящий луг, справа немного садовых ягод, а в том углу даже деревья есть, а это, согласитесь, редкость! «Ферма» граничит с хозяйственным блоком. Видите вон то строение, похожее на сарай? Это наша собственная небольшая синтезирующая установка, она позволяет не вывозить от-

ходы в город, а расщеплять прямо здесь и тут же синтезировать некоторые несложные соединения, которыми мы часто пользуемся. И использованные материалы закладываются в большую камеру, которая находится за вон той дверью, на панели управления выставляются параметры работы, и процесс запускается. Прежде чем снова запустить установку, нужно дождаться конца процесса. Как видите, конструкция станции довольно старая, но нас она устраивает. Чтобы знать, работает ли станция и на какой она стадии, я настроил синтезатор на генерацию различных запахов. Специально подобрал такие, чтобы наша «ферма» была поуютнее. Сейчас как раз загрузили новую порцию использованных упаковок из полипласта, началось его расщепление, поэтому, профессор, вы и чувствуете запах парного молока. Когда начнется процесс синтеза заданных веществ, вы почувствуете запах свежего сена, а окончание процесса ознаменует крик петуха.

— Да вы шутник, Олег Николаевич!

Студенты разошлись со своими фотокамерами по лужайке вдоль клумб и принялись щелкать все подряд. Бедняги, они даже астру от пиона не отличат! Я достал из кармана рабочие перчатки и мешочек с луковицами Amsterdam Spring. Из-за угла здания вышел Прохор Емеленко и подошел ко мне.

— Что, все ковыряетесь в клумбе? Последний день — и все равно за работой?

— Да вот, последние луковицы надо высадить, только сегодня пришли. — Я прикрыл мешочек перчаткой.

— А как же Олимпиада? Олимпиада в родном городе — такое бывает раз в жизни. Я сегодняшнее плавание ни за что не пропущу!

— Да знаете, я как-то равнодушен к спорту. А этот сорт тюльпанов редкий, Amsterdam Spring, я недавно выписал его из нашего северо-западного филиала. Если вы пойдете в спорткомплекс, может быть, опустите за меня купон болельщика? Вдруг он выиграет? Знакомый заболел и отдал мне свой билет, но я же не знал, что Amsterdam Spring придут именно сегодня. По этому билету можете взять кого-нибудь с собой.

— Ну, если вы уверены, что не пойдете, то я с удовольствием соглашусь! Если ваш купон выиграет приз — я обязательно вам его привезу.

— Договорились! — мысленно я поставил плюстик напротив еще одного дела в списке.

— Наверное, не слышали новость дня? Гросс подписал контракт с «НаноСистемз»!

— Ну что ж, это достойная компания. — Я не мог дождаться, когда он наконец уйдет.

— Считаете? Говорят, у них большие проблемы с этим нанокуполом. Вроде как не все там чисто. Ну, сами понимаете, за крупными проектами часто что-то скрывается... Не знаю, можно ли этому верить, но все-таки... Довольно хитро: развести всю эту болтовню про озоновый слой, чтобы привлечь на свою сторону «зеленых», а на самом деле... Хотя откуда вам это знать? Вы ведь, наверное, ничем, кроме своих цветочков, и не интересуетесь.

Тут он, конечно, был не прав. Мне ли этого не знать? Пусть и анонимно, но, в конце концов, именно я владел контрольным пакетом акций «НаноСистемз». Это было выгодное вложение капитала, доставшегося мне от Сергея Сеняева. Если бы он не наткнулся на меня в подвале музея в тот день... Семнадцать алмазов и два нановзрывателя,

на новейшая разработка военного министерства. Алмазы я продал сразу. Взрыватели оставил на случай, когда мне понадобятся деньги. И он настал. Выйдя на пенсию, поселившись в тихом местечке в маленьком, но современно оснащенном домике, я наберу на радиотелефоне один номер, и пленки-взрыватели в углах витрины разнесут прочнейшее стекло на мелкие осколки. Сработает сигнализация, и прибежавшая охрана тщетно будет прочесывать территорию в поисках грабителя. Эксперты установят, что пять розовых турмалинов являются искусственными и монохромными. Я развернул мешочек с голландскими луковицами. Между клубней виднелись розовые кристаллы. Я пошевелил ладонью, и под лучами света по ним пробежали зеленые полосы. Да, осталось совсем недолго. Дела «НаноСистемз» будут устроены, репутация подчищена, и вот тогда, и это будет совсем скоро, тогда я смогу заниматься только своими клумбами!

\* \* \*

Сеняев пробирался по подвалу главного здания музея. Взрыватели сработали отлично, полковник не обманул. Действительно, хватило всего двух, и еще пара осталась про запас. Но сигнализация сработала раньше, чем произошел взрыв, когда он только протянул руку к витрине. Видимо, там стояли какие-то датчики или сканеры. Этого он не предвидел. Пришлось в спешке бежать какими-то подвальными лабиринтами. Да, теперь уже не успеть выбраться. Все перекроют. Был только один шанс — где-то затаиться и переждать первую волну поисков. Бывает, что день только начался, а уже знаешь, что все получится. Так было и сегодня. Даже когда он протискивался в узкие проходы между штабелями каких-то упаковок, он не верил, что сейчас его поймут и все закончится. Поэтому ничуть не удивился, когда наткнулся на этого очкарика. Тот был напуган еще больше Сеняева и сразу согласился спрятать его где-нибудь в хозяйственном блоке, которым, как оказалось, этот сморчок и заведовал. С виду, конечно, растяпа, но малый неглупый — сразу сообразил, что оставшиеся взрыватели могут найти чувствительным детектором, и забрал их, чтобы запереть в сейф. Сморчок открыл каким-то хитрым электронным ключом дверь, за которой оказался переход в другое здание. Там они вышли во двор и подошли к небольшому серому строению. Очкарик открыл дверцу и помог ему забраться внутрь. Пространства было немного, как в чулане. Да, хорошее место, вряд ли сюда придут его искать в ближайшее время. Дверь за ним закрылась, в замке щелкнуло. Можно было наконец-то вдохнуть спокойно. Что он и сделал. За стеной что-то тихо монотонно загудело. Сеняев прислонился к стене и закрыл глаза... Запах был каким-то необычным, но все-таки знакомым, как бывает, когда почувствуешь запах чего-то из далекого детства: он ассоциируется не с конкретным веществом, а с периодом времени. В конце концов он вспомнил: так пахло парное молоко. Конечно, в наши дни молоко давно ничем не пахнет. Но он еще застал то время, когда молоко давали самые настоящие коровы, и у его бабушки даже была одна, с рыжим пятном на спине. Сеняев медленно осел на пол. Да, а по вечерам он бегал в хлев и гладил ее по широкой морде... А звали ее... Как же ее звали? Запах стал сильнее, он напряг память, но через миг уже ничего не мог помнить.